

Научная статья

УДК: 347

JEL: K3

DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.252.277

Регулирование отношений контролирующего и подконтрольного обществ, основанных на договоре

Александр Сергеевич Федоров

Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте
Российской Федерации, Россия 109012, Москва, ул. Ильинка, 8/2,

as.feedorov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7489-2396>

Author ID: 460161

Аннотация

Текущее регулирование отношений, возникающих в связи с осуществлением основным обществом корпоративного контроля над дочерним (отношения подконтрольности), в российском праве является недостаточно ясным и последовательным. В законе, доктрине и судебной практике России не определены границы применения правил п. 2 и п. 3 ст. 67.3 Гражданского кодекса, поэтому они в равной мере применяются к отношениям подконтрольности, возникающим как на основании преобладающего участия в уставном капитале общества, так и на основании договора или из иных оснований. Подобная неопределенность правового регулирования вызывает серьезные трудности в догматической проработке и объяснении таких базовых конструкций, как право основного общества давать указания дочернему, солидарная ответственность основного общества по сделкам дочернего, заключенным во исполнение указания, ответственность основного общества перед дочерним за дачу ему невыгодных указаний. В связи с этим важной задачей является четкое определение правовой природы и особенностей таких категорий, а также встраивание их в имеющуюся систематику российского корпоративного права. Для достижения указанных целей в статье проводится анализ немецкой судебной практики и доктрины, где исследуются отношения подконтрольности на основании договора между зависимыми обществами, известные как институт «договорного концерна». Автор приходит к выводу, что солидарная ответственность основного общества по обязательствам дочернего основывает-

ся на доктрине «проникающей ответственности» и концепции «ответственности концерна за нарушение доверия», а право давать указания необходимо понимать как юридические действия основного общества по управлению исполнительным органом дочернего, объем которых определяется договором, но не может затрагивать компетенцию иных органов управления. Сделан вывод, что исполнительные органы должны соблюдать обязанность заботливости при даче указаний обществу, а в ряде случаев к ответственности помимо основного общества в целом могут быть привлечены члены его исполнительных органов.

Ключевые слова

основное общество; дочернее общество; корпоративный контроль; корпоративное управление; группа компаний; ответственность.

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер работы в ЕГИСУ НИОКТР 124022800185-5).

Для цитирования: Федоров А.С. Регулирование отношений контролирующего и подконтрольного обществ, основанных на договоре // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 3. С. 252–277. DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.252.277

Research article

Regulation of Relations between Controlling and Controlled Companies under the Contract

Alexander S. Fedorov

Private Law Research Centre, 8/2 Ilinka Str., Moscow 109012, Russia,
as.fedorov@gmail.com; Author ID: 460161, <https://orcid.org/0000-0001-7489-2396>

Abstract

The current regulation of relationships arising due to the exercise by a parent company of corporate control over a subsidiary (“relationships of controllability”) in Russian law is insufficiently clear and consistent. The law, doctrine and judicial practice do not define the boundaries of application of the rules of para 2 and 3 of Art. 67.3 of the Civil Code, therefore they are equally applicable to relationships of controllability, arising both on the basis of majority participation in the authorized capital of the company and on the basis of a contract or other grounds. Such uncertainty of legal regulation causes serious difficulties in dogmatic elaboration and explanation of such basic constructions as the right of the parent company to give instructions to the subsidiary; joint and several liability of the parent company for transactions of the subsidiary made in execution of the instructions; liability of the parent company to the subsidiary for issuing disadvantageous instructions to it. Therefore, an important goal is to define the

legal nature and peculiarities of such categories and to integrate them into the existing systematics of Russian corporate law. To achieve these goals in the paper the author uses the analysis of German judicial practice and doctrine, in the framework of that the relationships of controllability based on the contract between affiliated companies, known as “contractual concern”, are examined. The author concludes the joint liability of the parent company for the obligations of the subsidiary is based on the doctrine of piercing liability and the concept of “concern liability for breach of trust”, and the right to give instructions should be understood as legal actions of the parent company to manage the executive body of the subsidiary, the scope of which is determined by the contract, but may not affect the powers of other managing bodies. It is also concluded that executive bodies should comply with the duty of care, when giving instructions to the company, and in some cases members of its executive bodies may be held liable in addition to the parent company.

Keywords

parent company; subsidiary company; corporate control; corporate governance; group of companies; liability.

Acknowledgements: This study was prepared as part of a state task fulfilled by the Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation (research No. 124022800185-5).

For citation: Fedorov A.S. (2024) Regulation of Relations between Controlling and Controlled Companies under the Contract. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 3, pp. 252–277 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.252.277

Введение

Имущественная самостоятельность и частная автономия являются базовыми характеристиками любой корпорации. Вместе с тем корпоративное право допускает отступление от этого правила, если речь идет о корпоративных объединениях правосубъектного и неправосубъектного характера. Одной из ключевых составляющих предмета корпоративного права являются «внешние» корпоративные отношения, включающие отношения материнских, дочерних и иных «взаимосвязанных» корпораций, составляющих концерны или холдинги [Суханов Е.А., 2014: 237]. Указанные отношения состоят в координации деятельности единой экономической группы, ядро которой — порядок осуществления корпоративного контроля над зависимыми обществами (далее — отношения подконтрольности).

При этом ограничение автономии корпорации, безусловно, не может быть безграничным, ввиду чего игнорирование самостоятельности юридического лица может допускаться лишь в исключительных случаях. В связи с этим абз. 2 п. 2 ст. 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ, ГК) является исключитель-

ной мерой, применение которой должно допускаться лишь когда дочернее (подконтрольное) общество совершает явно невыгодные сделки по указанию основного (контролирующего). Одновременно дочернее общество также должно обладать некоторыми способами защиты от невыгодных или даже незаконных указаний основного общества, чтобы в том числе избежать совершения невыгодных сделок и переноса рисков несогласованности в отношениях компаний группы на их контрагентов.

В российском законодательстве отсутствует подробное регулирование отношений «взаимосвязанных» корпораций аналогично праву концернов или праву холдингов в зарубежных правовых порядках [Суханов Е.А., 2014: 254]. В связи с этим необходимо (как минимум на доктринальном уровне) сформировать единый подход к различным вопросам этой области корпоративного права. В настоящей работе принята попытка проанализировать отношения подконтрольности, возникающие на основании договора между основными и дочерними обществами, а также содержание и объем понятия «право давать указания».

Не до конца понятна критика отношений подконтрольности, возникающих на основании договора, которую воспроизводят в комментарии разработчики Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее — Закон об акционерных обществах)¹ [Блэк Б., Крэкман Р., Тарасова А., 1999: 145] и иные ученые [Шиткин А.О., 2015: 237], основывающиеся их доводы на анализе доктрины и законодательства стран семьи общего права. Такое основание отношений подконтрольности критикуется в связи с тем, что передача акционерам возможности определять решения на основании договора невозможна, так как это является вмешательством в автономию корпорации², а соответствующие положения ГК и Закона об акционерных обществах — свидетельство непонимания того порядка, в котором общество принимает свои решения.

Между тем российское регулирование отношений подконтрольности между основным и дочерним обществами больше тяготеет к характерному для ряда романо-германских правовых порядков праву

¹ Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2025. № 28. Ст. 3841.

² В судебной практике встречается позиция, что возможность определять решения (давать указания) другого лица подразумевает отсутствие у подконтрольного лица автономии воли. См.: постановление Девятого ААС от 07.11.2016 по делу № А40-199627/2015; определение АС Москвы от 22.12.2022 по делу № А40-294216/19-24-349Б.

концернов (*Konzernrecht*), по которому концерн — особая договорная форма кооперации нескольких самостоятельных корпораций, которые ведут совместно общую деятельность под общим руководством. В таком случае для анализа конструкции договорных отношений подконтрольности основного и дочернего обществ, а также возникающего в связи с этим права давать обязательные указания необходимо обращение именно к аналогичным конструкциям немецкого правопорядка, где эта концепция получила наибольшее развитие, а не к английскому и французскому корпоративному праву, в догматику которого не до конца вписывается как право концернов, так и детальное регулирование отношений подконтрольности [Суханов Е.А., 2014: 238, 239].

Установление отношений подконтрольности на основании договора, а также привлечение к солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего вследствие реализации основным обществом права давать указания на основании такого договора не распространено в российском праве. Существенную роль в этом играет противоречивая судебная практика. Суды часто отказывают в привлечении к ответственности основного общества по обязательствам дочернего, несмотря на договорные отношения между ними, из которых следует право давать указания дочерним обществам³. Для привлечения к солидарной ответственности требуется наличие отношений подконтрольности в силу преобладающего участия между основным и дочерним обществом⁴.

Однако указанное обстоятельство относится к иному основанию возникновения отношений подконтрольности, а поэтому принимать его во внимание при привлечении основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего является смешением различных правовых институтов. Указанную ситуацию позволяет прояснить обращение к немецкому регулированию, где в соответствии с § 15 *Aktiengesetz* (далее — *AktG*)⁵ преобладающее

³ Постановление АС Северо-Западного округа от 12.07.2021 по делу № А56-1456/2020, ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 16.11.2016 по делу № А63-84/2016, от 11.06.2020 по делу № А63-3323/2019; постановление АС Западно-Сибирского округа от 29.07.2016 по делу № А27-20172/2015, от 21.05.2019 по делу № А45-29115/2018; постановление АС Волго-Вятского округа от 07.10.2016 по делу № А17-3495/2015.

⁴ Определение ВАС РФ от 14.12.2011 № ВАС-16604/11 по делу № А76-24034/2010.

⁵ *Aktiengesetz* [*AktG*] vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 18 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist. Available at: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/> (дата обращения: 25.08.2025)

участие (в уставном капитале) (Mehrheitsbeteiligung) и концерн на основе договора (Vertragskonzern) являются различными способами установления отношений подконтрольности над зависимыми обществами.

С другой стороны, изредка встречаются и решения, в которых российские суды привлекают основное общество к ответственности по обязательствам дочернего, основываясь на том, что: (1) между ними был заключен договор, в программе которого имелось обязательство дочернего общества выполнять указания основного, и (2) во исполнение таких указаний дочернее общество заключило сделку, в рамках которой оно причинило убытки кредитор⁶. Вместе с тем не до конца прояснен сам порядок дачи таких указаний, хотя здесь можно сразу задать ряд вопросов, ответа на которые не найти ни в российском законодательстве, ни в доктрине: может ли основное общество давать любые указания дочернему или существуют пределы реализации этого права; вправе ли дочернее общество не выполнять невыгодные или незаконные указания; могут ли органы управления основного общества быть привлечены к ответственности за дачу указаний; различается ли стандарт вины, если основное общество умышленно давало невыгодные указания или делало это по небрежности и т.д.

Непонятна и правовая природа самой категории «право давать указания». «Указание» определяется как «локальные властные веления, которые должна исполнять обязанная сторона», при этом не являющиеся обязательственными правами требования, но вытекающие из автономии воли сторон, связавших себя отношениями, из которых вытекает право давать такие указания [Гутников О.В., 2019: 113]. Едва ли подобное определение встраивает «указания» в догматику частного права.

И.С. Шиткина определяет «указания» как «распоряжения (акты, действия) органов основного общества, направляемые волеизъявляющему органу дочернего общества (генеральному директору, директору) о совершении сделки на определенных условиях»⁷. Однако все равно остается неясным, имеется ли в виду понимание «указаний» как сделочных актов и сделкоподобных действий, но тогда встает вопрос: зачем объединять эти явления термином «распоряжения»,

⁶ Постановление АС Московского округа от 12.10.2021 по делу № А40-157327/2020; постановление АС Северо-Западного округа от 02.07.2021 по делу № А56-123820/2019.

⁷ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. Т. 1 / под ред. И.С. Шиткиной. М., 2021. С. 123.

или «распоряжения» также является попыткой обособить правовую природу указаний, а «акты» и «действия» едва ли имеют то частно-правовое наполнение, которое от них ожидается?

Именно поэтому необходимо проанализировать отношения подконтрольности, которые оформляются в виде договорного концерна, создаваемого в соответствии с абз. 2 § 18 AktG на основании соглашения об управлении (Beherrschungsvertrag), обоснование, природу и основания привлечения основного общества к ответственности по обязательствам дочернего, а также правовую природу «права давать указания» основным обществом дочернему и иные вопросы, встающие в связи с его реализацией.

1. Ответственность договорного концерна перед его кредиторами

Одна из важных проблем концерна, возникающего в силу договора, по немецкому праву заключается в вопросе: как распределяется ответственность по долгам отдельных членов концерна. Так, при буквальном прочтении абз. 2 § 18 AktG может показаться, что при объединении отдельных компаний (einzelne Unternehmen) в концерн они приобретают статус «компаний концерна» (Konzernunternehmen). Это означает, что кредитор может рассматривать всю группу компаний в качестве своего должника при наличии требования только одной из них. Однако в силу принципа отделения имущества корпорации от имущества ее участников (Trennungsprinzip) ответственность по обязательствам подконтрольных компаний несут только подконтрольные компании, но не контролирующая компания или другие компании группы [Суханов Е.А., 2014: 15–16]⁸. Поэтому привлечение к ответственности контролирующей компании по обязательствам подконтрольного общества должно осуществляться по тем же условиям, по которым к ответственности по обязательствам юридических лиц привлекаются их конечные бенефициары. В немецком праве это возможно путем использования доктрины проникающей ответственности (Haftungsdurchgriff), которая может использоваться в случаях явного злоупотребления бенефициаров контролирующей компании или смешения активов, произошедшего в результате нарушения⁹.

В качестве другого исключения, которое было выведено Федераль-

⁸ BGH, 21.09.1981 — II ZR 104/80, BGHZ 81, 311; BGH, 24.01.2006 — XI ZR 384/03, BGHZ 166, 84.

⁹ BGH, 30.11.1978 — II ZR 204/76, NJW 1979, 2104.

ным судом Швейцарии в одном из дел, выступает создание контролирующей компанией у третьего лица обоснованного доверия к тому, что именно она отвечает за подконтрольную компанию¹⁰. Если после создания такого доверия контролирующая компания пытается уйти от ответственности, то в силу противоречивого поведения контролирующая компания будет отвечать в рамках концепции «ответственности концерна за нарушение доверия» (Konzernvertrauenshaftung). При этом похоже, что такая ответственность будет деликтной, а не договорной, так как контролирующая компания отвечает не по долгам подконтрольного общества (что недопустимо в силу принципа относительности обязательства), а возмещает ущерб (Schadensersatz) за недобросовестное нарушение доверия кредиторов.

В немецком праве концепция ответственности контролирующего общества вызывает дискуссию и обсуждается только в доктрине. В качестве возможного догматического основания предлагается использовать абз. 3 § 311 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ, BGB), когда контролирующая компания оказывает существенное влияние на переговоры и заключение договора подконтрольной компании с кредитором [Emmerich V., Habersack M., 2013: 340, 341]. Другое обоснование, которое встречается в доктрине — привлечение контролирующей компании по абз. 2 § 311 ГГУ в ситуациях преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo) в связи с наличием у контролирующего общества претерпеваемого или кажущегося полномочия (Duldungs-/Anscheinsvollmacht) в отношениях с третьим лицом. Аналогично в качестве основания для привлечения к такой ответственности рассматривается направление такому лицу контролирующей компанией «комфортного» письма (a comfort letter, Patronatserklärung), которое создает неверное впечатление о платежеспособности подконтрольной компании и является нарушением в связи с переговорами до заключения договора [Emmerich V., Habersack M., 2010: 596]. Некоторые немецкие ученые полагают, что такая ответственность не вытекает из отношений по управлению подконтрольным обществом, а возникает непосредственно у контролирующего общества перед кредиторами, чье доверие было нарушено, а поэтому возникает не из оснований, предусмотренных § 311 ГГУ¹¹.

Это отличает немецкий правопорядок от российского, в котором

¹⁰ Urteil der II. öffentlichrechtlichen Abteilung vom 11. Dezember 1990 i.S. Schweizerische Kreditanstalt und CS Holding gegen Eidgenössische Bankenkommission. BGE 116 Ib 331.

¹¹ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278-328. 3. Aufl. München, 2009. § 317 Rn. 123.

ответственность основного (контролирующего) общества по обязательствам дочернего является строгой, что прямо нарушает принцип относительности обязательств. Кроме того, в немецком правопорядке кредитору не нужно вникать во внутренние отношения контролирующего и подконтрольного обществ, а достаточно внешних признаков того, что контролирующее общество создает видимость действия подконтрольного общества по его указанию. В российском праве требуется доказать не только наличие отношений подконтрольности между основным и дочерним обществами, но и то, что дочернее общество действовало по указанию или с согласия основного, а также что основное общество на общем собрании дочернего или орган управления основного общества не одобрили эту сделку.

2. Право контролирующего общества давать указания подконтрольному обществу в рамках договорного концерна

2.1. Общие положения

В результате приобретения контроля материнского (контролирующего) общества над дочерним (подконтрольным) вследствие возникновения договорного концерна, контролирующее общество получает возможность управлять подконтрольным и давать ему указания (инструкции) (абз. 1 § 308 AktG). При этом в случае возникновения концерна в силу участия компаний друг в друге (Eingliederung) право управлять подконтрольным (дочерним) обществом возникает у контролирующего (основного) общества в силу доли участия и права голоса на общем собрании подконтрольного общества, а не в силу договора.

В соответствии с абз. 2 § 308 AktG правление обязано выполнять любые указания (Weisungen) контролирующего общества и не может отступить от них, за исключением случая, когда указание очевидно не служит интересам (offensichtlich nicht Belangen dient) концерна. Таким образом, контролирующее общество может дать подконтрольному указания, которые наносят ущерб, если эти указания выгодны для контролирующего общества или связанных с ним компаний.

Вместе с тем это не означает, что при даче таких указаний представитель контролирующего общества, которым чаще всего является правление, не должен соблюдать фидуциарных обязанностей по отношению к подконтрольному обществу. Согласно абз. 1 § 309 AktG представитель контролирующего общества должен действовать с

заботливостью разумного и добросовестного руководителя (*Sorgfalt eines ordentlichen und gewissenhaften Geschäftsleiters*). В случае нарушения своих обязанностей правление или иной законный представитель контролирующего общества может быть привлечен к ответственности (абз. 2 § 309). Не исключена и солидарная ответственность членов правления в общем порядке на основании § 93. Она может наступить, если они нарушили свои обязанности по контролю за исполнением указаний контролирующей компании (*Kontrollpflicht*).

2.2. Дача указаний в многоуровневых концернах

В многоуровневых (*mehrstufige*) концернах контролирующая компания имеет право давать указания только стороне договора контроля (управления) [Emmerich V., Habersack M., 2013: 434-435]. Это означает, что при последовательном заключении нескольких соглашений о контроле между тремя компаниями А, В и С (где А и В находятся в отношении контрольного и подконтрольного общества ровно так же, как В и С) А не имеет права напрямую давать указания обществу С. Единственная возможность влияния компании А на деятельность компании С в такой ситуации — дача подконтрольному обществу своего уровня (В) указания касательно управления подконтрольным обществом его уровня (С)¹², что, правда, неэффективно, поскольку указание может быть не исполнено.

Однако существует еще одна возможность дачи указаний «через голову» — делегирование права давать указания (*Delegation des Weisungsrechts*) третьему лицу или передача права давать указание (*Übertragung des Weisungsrechts*). Это обусловлено тем, что право давать указания, безусловно, не обязано осуществляться только контролирующим обществом лично. При этом в случае делегирования права давать указания речь идет именно о делегировании полномочий (*Unterbevollmächtigung*) третьим лицам — делегатами (*Delegatare*), схожее по природе, по всей видимости, с римской делегацией. Во втором случае речь идет про то, что третья сторона уполномочивается (*ermächtigen*) давать указания вместо контролирующего общества путем выдачи доверенности.

Разница также заключается в распределении ответственности при нарушении прав подконтрольного общества. В случае делегирования права давать указания ответственность перед подконтрольными обществами при нарушении договора о контроле (управлении) или фи-

¹² BVerwG, 14.04.1989 — 4 C 52.87, NJW 1990, 1313 (Ls.).

дуциарных обязанностей несет само контролирующее общество, а не делегатарий¹³ (§ 309 AktG в сочетании с §§ 31 и 278 BGB). С технической точки зрения отношения контролирующего общества и третьего лица (делегатария) оформляются либо договором поручения (Auftrag) либо иным договором о ведении чужого дела с полномочием.

При этом в любом случае речь не идет о подлинной передаче (уступке) права давать указания третьему лицу [Emmerich V., Habersack M., 2013: 437]. Во-первых, передача права давать указания невозможна без передачи полноценной договорной позиции по договору управления, которая имеется у контролирующего общества. Такое право не существует отдельно от нее по смыслу § 398 и 413 ГГУ, а передача такой позиции в то же время в соответствии с § 295 AktG возможна только путем изменения договора, т.е. полноценной замены контролирующего общества на третье лицо в договоре.

Стоит также обратить внимание, что абз. 1 § 308 AktG указывает на возможность дачи указаний правлению общества, хотя в § 291 речь идет о заключении договора об управлении над всем обществом. Следовательно, пределы дачи указаний контролирующим обществом подконтрольному редуцируются до возможности указаний только правлению подконтрольного общества, но не его другим органам управления. Указанное обстоятельство также ведет к тому, что члены правления могут быть персонально ответственны перед контролирующим обществом в случае нарушения договора об управлении.

Общее собрание и наблюдательный совет остаются независимыми от указаний контролирующего общества, поэтому договор об управлении не влияет на их компетенцию. Не распространяется он и на работников подконтрольного общества, у которых отсутствует обязанность следовать непосредственно указаниям контролирующего общества. На практике, если ряд сделок требует одобрения наблюдательного совета (абз. 4 § 111 AktG), то это может приводить к конфликту права контролирующего общества давать указания и возможности наблюдательного совета не одобрить такой сделки [Emmerich V., Habersack M., 2013: 445].

Единственное исключение из этого правила содержится в абз. 3 § 308, в соответствии с которым правление может преодолеть компетенцию наблюдательного совета на одобрение сделки, если тот не одобрил сделку, но контролирующее общество повторно дало поручение правлению ее осуществить. Однако если наблюдательный совет имеется у контролирующего общества, то указание может быть

¹³ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278-328. § 308, Rn. 41.

повторено только с его одобрения. Замысел законодателя здесь в том, что представители работников концерна входят в такой совет и также участвуют в принятии решения о согласии на дачу повторного указания правлению подконтрольного общества.

2.3. Объем и содержание права давать указания подконтрольному обществу

Как следует понимать указания контролирующего общества? Право давать «указание» в широком смысле следует понимать как любые действия контролирующей компании, посредством которых она оказывает влияние на управление подконтрольным обществом. Обязательность данной меры исходит из того, что именно во власти контролирующей компании находится возможность смены правления, а поэтому при невыполнении указаний контролирующего общества состав правления могут сменить на другой (абз. 2 § 308 AktG)¹⁴. Простые рекомендации и советы контролирующего общества не являются инструкциями, обязательными для исполнения по смыслу закона. Обязательность указаний также проявляется в их правовой природе. Указания можно отнести к сделкоподобным действиям (*rechtsgeschäftsähnliche Handlungen*), к которым применяются положения о юридических сделках (*Rechtsgeschäfte*).

При этом право давать указания ничего не меняет во внешних отношениях контролирующего и подконтрольного обществ — у контролирующего общества не возникает полномочий по представлению подконтрольного. Такие полномочия могут быть даны контролирующему обществу в отдельных случаях, но в целом действия контролирующего общества как представителя подконтрольного следует считать недопустимыми, ведь в соответствии с § 177 ГГУ сделка всегда будет связывать подконтрольную компанию в связи с обязанностью одобрения ею таких сделок в силу внутренних отношений подконтрольности.

Отдельный вопрос, который ставится в доктрине — подпадают ли другие средства для обеспечения согласованного управления подконтрольными обществами по смыслу абз. 1 § 18 AktG под понятие «указания контролирующего общества». К примеру, возможные отношения фактической подконтрольности путем двойного членства определенных лиц в правлении или оказание влияния на подконтрольное общество через общее собрание или наблюдательный совет.

¹⁴ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278–328. § 308, Rn. 9.

Двойной мандат члена правления часто рассматривается как имплицитное общее указание контролирующего общества членам правления подконтрольного общества выполнять соответствующие указания такого «прикомандированного» члена правления. Труднее оценить влияние контролирующего общества на подконтрольное в случае косвенного влияния правления через общее собрание или наблюдательный совет. Однако для целей недопущения обхода § 308 и 309 такое влияние не признается прямым указанием контрольного общества правлению подконтрольного, чтобы не допускать безграничного права на проверку (*Prüfungsrecht*) влияния контролирующего [Emmerich V., Habersack M., 2013: 438–439]. В результате в немецком праве указаниями контролирующего общества все-таки признаются именно сделкоподобные действия, возникающие из договора об управлении. Именно этот подход отражен и в российском праве для акционерных обществ, где право давать указания может вытекать только из договора с дочерним обществом или устава дочернего общества (абз. 2 п. 3 ст. 6 Закона об акционерных обществах), но не в силу влияния контролирующего общества через участие в общем собрании.

Говоря о праве давать указания, тем не менее, нельзя утверждать, что у контролирующего общества имеется обязанность давать указания (*Weisungspflicht*). Контролирующее общество вправе оставить правлению подконтрольного общества свободу усмотрения в управлении им, но не имеет обязанности всегда давать конкретные указания, поэтому в случае бездействия по управлению подконтрольным обществом оно не может быть привлечено к ответственности. Но из этого правила существует исключение.

В соответствии с абз. 2 § 309 и абз. 1 § 249 ГГУ если указание контролирующего общества нанесло ущерб подконтрольному обществу и негативно повлияло на его деятельность, контролирующее общество и его менеджеры могут быть привлечены к ответственности перед подконтрольным обществом. Поэтому, чтобы избежать ответственности, контролирующее общество фактически обязано отменить неправомерное указание самостоятельно или по требованию подконтрольного общества (т.е. возникает некоторая обязанность отменить одно указание и дать новое для уменьшения ущерба для подконтрольного общества и уменьшения рисков привлечения к ответственности менеджмента контролирующего общества) [Emmerich V., 2013: 653].

Объем права давать указания у контролирующего общества подконтрольному определяется договором, но является достаточно

широким по умолчанию. Так, в соответствии с абз. 1 § 309 AktG предметом права давать указания (*Gegenstand des Weisungsrechts*) контролирующего общества являются правоотношения по управлению подконтрольным обществом его правлением. При этом отсутствуют различия между основополагающими вопросами экономической бизнес-стратегии подконтрольного общества и вопросами текущей деятельности.

Контролирующее общество вправе давать указания по любым вопросам, относящимся к компетенции правления в соответствии с § 76 AktG [Emmerich V., Habersack M., 2013: 441]. Например, оно может давать указания в отношении таких, казалось бы, важных для жизнедеятельности общества вопросов, как созыв общего собрания акционеров, увеличение уставного капитала, формирование резервов и порядок проведения аудита и подготовки годовой финансовой отчетности. Из этого также вытекает широкое право на информацию в отношении подконтрольного общества, которая имеет отношение к осуществлению права управления над ней, т.е. фактически к большинству информации такого общества [Pentz A., 2007: 599].

С другой стороны, контролирующее общество не вправе по договору об управлении давать указания и вмешиваться в компетенцию иных органов управления подконтрольным обществом — наблюдательного совета и общего собрания. Аналогично не может быть дано указания о передаче прибыли подконтрольного общества контролирующему путем выплаты дивидендов, так как в таком случае есть риск обхода правил о договоре передачи прибыли (*Gewinnabführungsvertrag*), который может быть заключен наряду с договором об управлении в соответствии с абз. 1 § 291 AktG.

В соответствии с абз. 1 § 308 контролирующее общество вправе давать подконтрольному обществу и указания, которые имеют на него негативное воздействие, при условии, что такое указание служит интересам контролирующего общества или других компаний концерна. Часто в этом контексте используют термин «групповой интерес» (*Konzerninteresse*), что не вызывает возражений, пока речь идет только об интересе контролирующего общества и отдельных компаний концерна по смыслу абз.1 § 308 и абз. 1 § 18 AktG. Не существует изолированного и отличного понятия «групповой интерес» в смысле интереса группы компаний в целом (скорее всего, его в принципе невозможно определить) [Hoffman-Becking M., 2012: 433].

Дача указания ничего не меняет для подконтрольного общества во внешних отношениях с третьими лицами. Это в равной мере относится к его волеизъявлениям (*Willenserklärungen*), а также причи-

нению вреда неправомерными действиями (unerlaubte Handlungen)¹⁵. Вместе с тем в случае совершения деликта контролирующее общество может быть привлечено к солидарной ответственности с подконтрольным обществом в качестве подстрекателя, который будет считаться совместно причинившим вред по смыслу абз. 2 § 830 ГГУ.

2.4. Исполнение подконтрольным обществом невыгодных и незаконных указаний

Возможность давать невыгодные указания подконтрольному обществу, по мнению законодателя, также объясняется тем, что все выгоды одних и невыгоды других компаний группы в итоге балансируются и уравниваются в рамках группы компаний (концерн). Невыгодное указание, данное подконтрольному обществу, должно оцениваться с точки зрения экономического состояния всей группы компаний в результате исполнения такого указания подконтрольным обществом. Таким образом, указание должно иметь как минимум косвенное преимущество для компаний, которые входят в группу с подконтрольным обществом, или для контролирующего общества.

Из этого вытекает, что у правления контролирующего общества имеется довольно широкая свобода усмотрения, которая фактически ограничена только запретом непропорционального ущерба для подконтрольного общества, который, очевидно, не компенсируется сопоставимыми выгодами для всех остальных компаний группы. Поэтому дача невыгодных указаний также не может допускаться, если они были даны в интересах третьей стороны (лица, не входящего в концерн), включая мажоритарного акционера контролирующего общества, или даже государства (т.е. в общественном интересе)¹⁶.

При этом в соответствии с абз. 1 § 309 AktG действия члена правления с точки зрения выдачи указания должны оцениваться исходя из «стандарта заботливости разумного и добросовестного директора» (Sorgfalt eines ordentlichen und gewissenhaften Geschäftsleiters). Если член правления действовал исходя из такого стандарта поведения и указание законно, он не может быть привлечен к ответственности, даже когда выяснится, что указание не отвечало интересам группы (к примеру, ущерб, нанесенный подконтрольному обществу, оказался больше выгод от указаний).

¹⁵ Hölters / Weber Aktiengesetz: Kommentar. 4. Aufl. München, 2021. § 308 Rn. 54.

¹⁶ BGH, 17.03.1997 — II ZB 3/96, BGHZ 135, 113.

В качестве исключения из обязанности подконтрольного общества выполнять указания контролирующего выделяется право общества не выполнять незаконных указаний (*unzulässige Weisungen*), которые противоречат закону или уставу общества. Поэтому правление подконтрольной компании должно проверять законность каждого указания перед его выполнением. Это касается и проверки указаний, которые очевидно не отвечают интересам подконтрольного общества в соответствии с предложением 2 абз. 2 § 308 AktG.

Возможно, указание на «очевидное» несоответствие интересам сделано в законе, чтобы подконтрольное общество, которому трудно оценить, насколько указание соответствует интересам всех компаний, входящих в концерн, было вправе не исполнять таких указаний, если налицо явное злоупотребление со стороны контролирующего общества [Emmerich V., Habersack M., 2013: 443–444]. Поэтому, если правление подконтрольного общества показало, что указание не являлось выгодным, то бремя доказывания его выгоды возлагается на контролирующее общество. Именно оно должно доказать, что данное подконтрольному обществу указание соответствует интересам всего концерна¹⁷ и поэтому не имеет значения, было выгодно оно или нет для одного из подконтрольных обществ в сравнении с остальными.

2.5. Ограничения и пределы реализации права давать указания

Право контролирующего общества давать указания не является неограниченным (как это следует из § 299 и абз. 1 § 308 AktG). Дополнительные ограничения также могут быть установлены в договоре об управлении (§ 11 AktG), в уставе подконтрольного общества и если это прямо предусмотрено императивными нормами закона (§ 134 и 138 ГГУ). Невозможна также дача указания, если при его даче правление контролирующего общества проявило неосмотрительность или указание было дано во вред подконтрольному обществу и имеются явные признаки злоупотребления.

Так, во-первых, контролирующее общество не может давать указаний подконтрольному обществу изменить цель деятельности или начать заниматься новыми видами деятельности, так как это невозможно без изменений в уставе, что относится к компетенции общего собрания (§ 179 AktG), а не правления подконтрольного общества¹⁸. Во-вто-

¹⁷ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278-328. § 308, Rn. 145.

¹⁸ OLG Nürnberg, 09.06.1999 — 12 U 4408/98, NJW-RR 2001, 104.

рых, недопустимы инструкции, по которым подконтрольное общество должно прекратить всю или большую часть деятельности, чтобы впоследствии ликвидироваться. Подобные изменения являются слишком фундаментальными для деятельности компании, и поэтому решения в отношении них могут приниматься только акционерами.

Не допускаются также указания, прямо нарушающие закон, например, указание о нарушении императивных положений AktG или публичного законодательства (антимонопольного или налогового). Также дополнительные ограничения могут устанавливаться в зависимости от специфики деятельности подконтрольного общества, например, для кредитных учреждений в соответствии с нормами Kreditwesengesetz¹⁹ в принципе установлено, что исполнительный орган должен иметь неограниченные полномочия по управлению обществом и представительству от его имени. Но это не означает, что в принципе не допускается дача указаний на основании договора о контроле. В судебной практике встречается подход, при котором контролирующее общество может исключить применение абз. 1 § 2a Закона о кредитной системе при условии принятия на себя контролирующим обществом всей ответственности²⁰.

Также из совокупного толкования (абз. 1 § 309 и 302–305 AktG) следует, что нельзя давать инструкции, которые угрожают самому существованию подконтрольного общества, так как подобное следует рассматривать в качестве умышленного нанесения ему ущерба [Emmerich V., Habersack M., 2013: 447–448]. Дающие такие указания члены правления нарушают обязанность действовать с заботой добросовестного и разумного менеджера, что предусмотрено в абз. 1 § 309 AktG. Такие решения, как передача (продажа) наиболее прибыльных отраслей бизнеса или невыгодный обмен ценных бумаг на акции иного общества являются проявлением неразумности и злоупотребления правления, которое дает подобные указания подконтрольному обществу. Аналогичное правило будет распространяться и на указания правления о выводе свободных денежных средств (ликвидности) из подконтрольного общества²¹.

При этом члены коллегиального исполнительного органа подконтрольного общества обязаны проверять правомерность каждо-

¹⁹ Kreditwesengesetz vom 9. September 1998 (BGBl. I S. 2776), das zuletzt durch Artikel 9 des Gesetzes vom 28. Februar 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 69) geändert worden ist. Available at: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/BJNR008810961.html> (дата обращения: 25.08.2025)

²⁰ См.: OLG Frankfurt, 13.12.2011 — 5 U 56/11, ZIP 2012, 79.

²¹ BGH, 17.09.2001 — II ZR 178/99, BGHZ 149, 10.

го указания (*Prüfungspflicht*) контролирующего общества. Правление подконтрольного общества не может исполнять указаний, в правомерности которых оно не уверено. Обязанность правления подконтрольного общества проверять указания контролирующего общества имеет основополагающее значение, поскольку позволяет предотвратить прекращение деятельности или нарушение закона подконтрольным обществом, иначе подконтрольное общество должно было бы выполнять любые указания контролирующего общества. В связи с этим попытка обхода и косвенного отказа от такой обязанности, например, путем выдачи двойного мандата лицам на участие в правлении контролирующего и подконтрольного обществ, не допускается²².

3. Ответственность представителей контролирующего общества перед подконтрольным обществом

3.1. Общие положения

Заключение договора о контроле фактически означает, что, получая право давать обязательные для исполнения правлением подконтрольного общества указания, контролирующее общество в соответствии с § 308 AktG заменяет независимое правление подконтрольного общества своим правлением. Подобное обстоятельство, безусловно, не должно влиять на степень защиты акционеров подконтрольного общества, поэтому в соответствии с абз. 1 § 309 и абз. 2 § 309 законные представители контролирующей компании также должны действовать с должной степенью заботливости (осмотрительности) при даче указаний контролируемой компании. Они несут солидарную ответственность перед подконтрольным обществом в случае нарушения ими своих обязанностей.

Стоит заметить, что данное положение противоречит принципу относительности обязательств, ведь договор о контроле заключается с контролирующим обществом, а не с его представителями. В доктрине это объясняется тем, что договор ведет к возникновению также обязательств членом органов управления (законных представителей) контролирующего общества по отношению к подконтрольному обществу [Emmerich V., 2013: 653]. Акционеры, заявляющие такой иск, подают его в интересах общества (*actio pro societate*, абз. 4 § 309 AktG).

²² OLG Köln, 24.11.1992 — 22 U 72/92, ZIP 1993, 110.

Норма § 309 является императивной, поэтому нельзя предусмотреть в договоре о контроле ограничение возможности предъявления таких исков. Вместе с тем это не препятствует, к примеру, контролирующему обществу заключить соглашение с членами правления, по которому общество обязуется возместить им убытки, взысканные с них подконтрольным обществом по абз. 2 § 309. Контролирующее общество может также застраховать ответственность членов правления (D&O Versicherung), где страховые взносы платит акционерное общество, а поэтому подобное фактически равносильно освобождению членов правления от любой ответственности перед подконтрольным обществом [Habersack M., 2013: 167]. Однако по § 138 ГГУ недопустимо страхование умышленной ответственности и ответственности, возникающей вследствие «грубой неосторожности» (например, совершение спекулятивных сделок).

Трудности с применением § 309 AktG возникают в многоуровневых концернах. Безусловно, ответственность представителей контролирующего общества наступает, если договор о контроле был заключен контролирующим обществом сразу на нескольких разных уровнях компаний концерна. Куда сложнее ситуация, когда контролирующее (материнское) общество дает указание подконтрольному (дочернему) обществу в отношении управления «внучатым» обществом и встает вопрос, кто может быть привлечен к ответственности. Так как подконтрольное (дочернее) общество фактически действует в рамках инструкций, данных контролирующим (материнским), то внучатое общество вправе привлечь контролирующее общество и его представителей к ответственности в соответствии с § 309 AktG²³.

Если имеется договор контроля между дочерним и внучатым обществами, а материнское общество может оказывать влияние на дочернее только в силу участия в нем, но не на основании договора, то влияние материнского (контролирующего) общества и основания для привлечения к ответственности его менеджмента будут оцениваться с точки зрения § 311 и 317 AktG, но § 309 не будет применяться²⁴. Ничего не изменит в этом отношении и факт наличия договора о контроле между материнским и дочерним обществами при отсутствии договора о контроле между дочерним и внучатым обществами [Emmerich V., 2013: 653].

²³ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278–328. § 308, Rn. 31–32.

²⁴ Ibid. Rn. 41.

3.2. Субъекты ответственности по § 309 AktG

3.2.1. Законный представитель

Положения § 309 AktG направлены в первую очередь на законных представителей контролирующего общества. Это могут быть лица, входящие в орган компании, которые представляют ее вовне в отношениях с третьими лицами, в том числе юридические лица, если, к примеру, обществом управляет управляющая компания. При этом делегирование или наделение правом давать указание ничего не изменяет в применении § 309, так как указанные обязанности и ответственность за их нарушение несут именно законные представители контролирующего общества, а не третьи лица, привлеченные в качестве поверенных для реализации права давать указания.

3.2.2. Контролирующее общество

§ 309 AktG регулирует ответственность законных представителей контролирующего общества за указания, данные контролирующим обществом с нарушением должной заботливости, но не ответственность самого контролирующего общества. Такая ответственность наступает на основании общеправовых принципов, которые вытекают из договора о контроле (*nach allgemeinen Rechtsgrundsätzen auf Grund des Vertrages*). При этом в любом случае она будет солидарной, и можно применять к ней положения § 309, поэтому рассуждения, что ответственность контролирующего общества не регулируется данным параграфом, бессмысленны. Такая ответственность в любом случае является договорной (§ 280 ПГУ) и для нее также будут действовать аналогичные правила, в особенности, абз. 3–5 § 309 [Emmerich V., Habersack M., 2010: 482–484].

3.2.3. Взаимосвязь органов управления

Проблемы применительно к § 309 AktG возникают в связи с созданием двух взаимосвязанных органов (двойное членство лиц в органах управления). Если лицо является членом правления как в контрольном, так и в подконтрольном обществах, не вызывает трудностей привлечение его к ответственности по § 309. Между тем если лицо, являющееся законным представителем контролирующего общества, участвует в работе иных органов подконтрольного общества — наблюдательного совета и общего собрания акционеров,

то ситуация уже отличается, и, на первый взгляд, не возникает оснований для применения § 309²⁵. Однако в такой ситуации можно предположить, что участие одного лица в исполнении указаний как на уровне контролирующего, так и на уровне подконтрольного обществ свидетельствует о даче контролирующим обществом косвенных указаний подконтрольному, и тогда абз. 2 § 309 применяется [Emmerich V., Habersack M., 2013: 453].

3.3. Конкуренция требований

Иски о взыскании убытков в § 309 не отменяют возможности подачи иска о привлечении к ответственности контролирующего лица или лиц, входящих в исполнительные органы, из других оснований. Поэтому лица, входящие в исполнительные органы управления контролирующего общества, также могут быть привлечены к ответственности в соответствии с § 117 AktG или деликтной ответственности по абз. 2 § 823 ГГУ. Возможно также привлечение контролирующего общества к ответственности за нарушение им фидуциарных обязанностей, если он прямо или косвенно является участником подконтрольного общества. Преимущество выбора различных требований означает для акционера также выбор между взысканием убытков в свою имущественную массу, а не только в результате удовлетворения представительского иска в пользу общества. Значение также могут иметь различные сроки исковой давности по разным требованиям [Emmerich V., Habersack M., 2010: 494].

4. Ответственность органов управления подконтрольного лица

В соответствии с абз. 1 § 310 AktG члены правления и наблюдательного совета подконтрольного общества несут ответственность наряду с теми, кто несет ответственность по § 309, если они нарушили свои обязанности по отношению к подконтрольному обществу. Однако ответственность не наступает, если их действия основаны на обязательном указании в соответствии с абз. 2 § 308 и абз. 3 § 310, которое они должны были обязаны исполнить.

Члены правления подконтрольного общества согласно абз. 1 § 310 несут ответственность, если они действовали с нарушением своих обязанностей. Абстрактная формулировка не дает понимания, ка-

²⁵ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278-328. § 308, Rn. 140.

кие обязанности здесь имел в виду законодатель. Преобладающая точка зрения состоит в том, что если исходить из системного толкования § 310 с §§ 308 и 309, то речь идет именно об ответственности в форме небрежности при исполнении незаконных указаний контролирующего общества, а не об ответственности в форме вины при выполнении допустимых указаний²⁶.

Альтернативная точка зрения заключается в том, что не стоит толковать абз. 1 § 310 таким ограничительным способом, и все-таки речь в этой норме идет об ответственности за ненадлежащее исполнение любых обязанностей членов правления подконтрольного общества, которые могут возникать из договора об управлении [Emmerich V., Habersack M., 2013: 459–460]. Во втором случае подобное понимание обязанности сливается с обязанностью проверки допустимости каждого указания, что не совсем соответствует абз. 3 § 310 и абз.2 § 308.

Одобрение действий менеджеров наблюдательным советом (абз. 2 § 310) или общим собранием акционеров не исключает их ответственности, поскольку в противном случае подконтрольное общество могло бы легко исключить любую ответственность исполнительных органов путем принятия решения простым большинством голосов на общем собрании²⁷.

При этом абз. 2 § 310 фактически содержит исключение ответственности членов правления подконтрольных обществ: даже если они считают, что указание не отвечает интересам контролирующего общества или других компаний концерна, они все равно обязаны его исполнить. Единственным основанием привлечения их к ответственности может быть только то, что они исполняют указание, очевидно не отвечающее интересам концерна.

Данная норма в первом приближении выглядит спорной, так как получается, что с одной стороны невыполнение правлением подконтрольного общества любого вышестоящего указания может быть основанием для привлечения к ответственности перед контролирующим обществом за нарушение договора об управлении. С другой стороны исполнение указаний, очевидно нарушавших интересы всего концерна, может быть основанием для привлечения членов правления подконтрольного общества к ответственности по § 310 AktG. Поэтому сначала правление оценивает указание контроли-

²⁶ Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 5: § 278–328. § 310, Rn. 31; Kölner Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 6: § 291–328. § 310 Rn. 1.

²⁷ Kölner Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 6: § 291–328. § 310 Rn. 9.

рующего общества на его законность (соответствие закону, уставу и договору) в соответствии с абз. 1 § 310, и при наличии сомнений уведомляет контролирующее общество. Только когда указание выдается повторно, тогда на основании абз. 2 § 308 правление должно исполнить указание, что исключает его ответственность, если только такое наказание не является злоупотреблением правом со стороны контролирующего общества.

Заключение

Право давать «указания» следует понимать как юридические действия контролирующего общества в сфере отношений по управлению подконтрольным обществом его правлением, имеющие сделочную природу и обязательную силу для подконтрольного общества, но не создающие юридических последствий для третьих лиц (не создающие отношений представительства). Объем права давать указания определяется договором о контроле, но в любом случае не может затрагивать компетенции неисполнительных органов подконтрольного общества (наблюдательного совета и общего собрания).

Подконтрольное общество в немецком праве обязано исполнить указания контролирующего общества, даже если указания невыгодны подконтрольному обществу, но выгодны в рамках всего концерна. Оно может не исполнять указания только если имеются признаки злоупотребления и указания явно были даны во вред интересам подконтрольного общества. Бремя доказывания выгоды возлагается на контролирующее общество.

Исполнительные органы контролирующего (основного) общества (члены правления) в немецком праве должны соблюдать обязанность заботливости (осмотрительности) при даче указаний подконтрольному (дочернему) обществу.

В немецком праве члены исполнительных органов (правления) подконтрольного общества обязаны проверять допустимость указаний контролирующего общества. Вместе с тем члены правления подконтрольного общества могут быть привлечены к ответственности за выполнение только незаконных указаний или указаний, очевидно нарушающих интересы концерна, тогда как в иных случаях они освобождаются от ответственности.

На основании анализа немецкой доктрины и судебной практики следует критически взглянуть на российское регулирование отношений подконтрольности, возникающих в силу договора. Немецкая модель договорного концерна исходит из защиты интересов креди-

торов, в связи с чем предпринимаются попытки их защиты вне зависимости от знания кредиторов о том, имеются ли отношения подконтрольности, а также действовало ли дочернее общество по указанию или с согласия основного. По российскому праву текущая модель договорных отношений подконтрольности выстроена, скорее всего, исходя из приоритета самого юридического лица и следуя догматическому принципу имущественной обособленности. Некоторые суды еще не до конца разграничивают отношения подконтрольности в силу договора и в силу преобладающего участия в обществе, из-за чего на истца возлагается еще и бремя доказывания того, что основное общество имеет преобладающее участие в дочернем. При этом игнорируется различие оснований возникновения подконтрольности.

Солидарная ответственность основного общества по сделкам дочернего, предусмотренная абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК, вполне может быть объяснена и квалифицирована без нарушения догматики корпоративного права в соответствии с нормами об ответственности за причинение вреда (ст. 1064 ГК) или об ответственности за причинение вреда в результате нарушения доверия кредиторов в ходе переговоров (ст. 434.1 ГК). Подобное, кажется, лишь частный случай применения деликтных норм, а не пример доктрины «снятия корпоративных покровов», и соответственно отступления от имущественной самостоятельности юридического лица [Усачева К.А., 2020: 635–636]. Сам солидаритет предполагает, что пострадавший кредитор может выбрать любое общество для выполнения своих требований, тогда как проникающая ответственность является разновидностью субсидиарной и предполагает, что требование к основному обществу может быть выполнено только после удовлетворения требований к дочернему обществу.

Стоит упомянуть и ссылку на ст. 1064 ГК в п. 3 ст. 67.3, которая усложняет понимание и регулирование ответственности основного общества перед дочерним. Поскольку данная конструкция является одним из случаев косвенного иска [Глазунов А.Ю., 2020: 145], речь идет о том, что участник взыскивает от имени дочернего общества убытки вследствие нарушений фидуциарных обязанностей основного общества, которые вытекают из договорных отношений подконтрольности основного и дочернего обществ.

Список источников

1. Блэк Б., Крэкман Р., Тарасова А. Комментарий Федерального закона «Об акционерных обществах». М.: Лабиринт, 1999. 720 с.

2. Глазунов А.Ю. Отраженные убытки в корпоративном праве. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 140–172.
3. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, 2019. 488 с.
4. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33.
5. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
6. Усачева К.А. Доктрина снятия корпоративного покрова как альтернатива инструментам *ex ante* контроля. В кн.: Корпоративное право: проблемы и решения / сост. и отв. ред. И.С. Чупрунов. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 480–639.
7. Шиткин А.О. Понятие, основания и правовые последствия установления корпоративного контроля. В кн.: Корпоративное право: актуальные проблемы. Под ред. Д.В. Ломакина. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 217–239.
8. Emmerich V., Habersack M. Aktien- und GmbH-Konzernrecht. 6. Aufl. München: C.H. Beck, 2010. 936 S.
9. Emmerich V., Habersack M. Konzernrecht: Ein Studienbuch. 10. Aufl. München: C.H. Beck, 2013. 621 S.
10. Emmerich V. Zur Organhaftung im Vertragskonzern. In: Gedächtnisschrift für Jürgen Sonnenschein. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 651–660.
11. Habersack M. Die Freistellung des Organwalters von seiner Haftung gegenüber der Gesellschaft. In: Festschrift für Peter Ulmer zum 70. Geburtstag. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 151–174.
12. Hoffmann-Becking M. Gibt es das Konzerninteresse? In: Festschrift für Peter Hommelhoff: zum 70. Geburtstag. Köln: Otto Schmidt, 2012. S. 433–446.
13. Kantzas I. Das Weisungsrecht im Vertragskonzern. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 1988. 233 S.
14. Pentz A. Auskunftsverlangen des großaktionärs. In: Festschrift für Hans-Joachim Priester zum 70. Geburtstag. Köln: Otto Schmidt, 2007. S. 593–618.
15. Schmidt K. “Unternehmen” und “Abhängigkeit”: Begriffseinheit und Begriffsvielfalt im Kartell- und Konzernrecht — Besprechung der Entscheidung BGHZ 74, 359. Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht, 2009, Bd. 9, H. 2. S. 277–288.

References

1. Black B., Crackman R., Tarasova A. (1999) Commentary to the Federal Law On Joint-Stock Companies. Moscow: Labirint, 720 p. (in Russ.)
2. Emmerich V., Habersack M. (2010) *Aktien- und GmbH-Konzernrecht*. 6. Aufl. München: C.H.Beck, 936 S.
3. Emmerich V., Habersack M. (2013) *Konzernrecht: Ein Studienbuch*. 10. Aufl. München: C.H.Beck, 621 S.
4. Emmerich V. (2013) Zur Organhaftung im Vertragskonzern. *Gedächtnisschrift für Jürgen Sonnenschein*. Berlin: De Gruyter, S. 651–660.
5. Glazunov A. Yu. (2020) Reflective losses in corporate law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudia*=Herald of the Economic Justice, no. 2, pp. 140–172 (in Russ.)

6. Gutnikov O.V. (2019) *Corporate liability in civil law*. Moscow: Kontrakt, 487 p. (in Russ.)
7. Habersack M. (2013) Die Freistellung des Organwalters von seiner Haftung gegenüber der Gesellschaft. Festschrift für Peter Ulmer zum 70. Geburtstag. Berlin: De Gruyter, 2013, S. 151–174.
8. Hoffmann-Becking M. (2012) Gibt es das Konzerninteresse? Festschrift für Peter Hommelhoff: zum 70. Geburtstag. Köln: Otto Schmidt, S. 433–446.
9. Kantzas I. (1988) Das Weisungsrecht im Vertragskonzern. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 233 S.
10. Lomakin D.V. (2012) Concept of piercing corporate veil: implementation of its main provisions in legislation and drafts to the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik vysshego arbitrazhnogo suda*=Bulletin of the Supreme Arbitration Court, no. 9, pp. 6–33 (in Russ.)
11. Pentz A. (2007) Auskunftsverlangen des großaktionärs. Festschrift für Hans-Joachim Priester: Zum 70. Geburtstag. Köln: Otto Schmidt, S. 593–618.
12. Shitkin A.O. (2015) Concept, grounds and legal results of the establishment of corporate control. In: *Corporate Law: Actual Issues*. Moscow: Infotropik Media, pp. 217–239 (in Russ.)
13. Schmidt K. (2009) „Unternehmen“ und „Abhängigkeit“: Begriffseinheit und Begriffsvielfalt im Kartell- und Konzernrecht — Besprechung der Entscheidung BGHZ 74, 359. *Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht*. Bd. 9. H. 2. S. 277–288.
14. Sukhanov E.A. (2014) *Comparative Corporate Law*. Moscow: Statut, 456 p. (in Russ.)
15. Usacheva K.A. (2020) Doctrine of Piercing the Corporate Veil as an Alternative to ex ante Control Mechanisms. In: *Corporate Law: Issues and Solutions*. Vol. 1. Moscow: Alumni Association of the Russian School of Private Law, pp. 480–639 (in Russ.)

Сведения об авторе:

A.C. Федоров — магистр, ведущий специалист.

Information about the author:

A.S. Fedorov — Master, Expert.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 30.07.2025.

The article was submitted to editorial office 11.03.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 30.07.2025.